

УКРОТИТЬ ЛОВЕЛАСА

ДАРЬЯ СОЙФЕР

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С58

Художественное оформление серии
Алисы Самойловой

Сойфер, Дарья.

С58 Укротить ловеласа / Дарья Сойфер. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-116022-7

Бойкая девочка со смешными косичками и стеснительный очкарик. В детстве Платон и Надя были лучшими друзьями и мечтали однажды пожениться. Но он вырос из гадкого утенка в прекрасного принца. Теперь он – талантливый музыкант, его окружают поклонники и, конечно, поклонницы. Вот только без Нади он бы так никогда и не узнал, что такое настоящий успех. Много лет она помогала Платону, однако ее труд и верность так и остались незамеченными. Теперь варианта у нее два: развернуться и уйти или взять и укротить ловеласа. Главное – самой не попасть в его сети.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116022-7

© Кулыгина Д., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пролог

Пятнадцать лет назад

— Народ, а что это у него там? — мальчишка спрыгнул со спинки парковой скамейки, выпрямился во все свои полтора метра и прицельно сплюнул.

— Маманю свою тащит, — сострил второй, и чумазая стайка шпаны радостно загигикала.

Платон поправил лямки виолончельного чехла, ускорил шаг. «Делай вид, что тебе все равно, и обидчики сами отстанут», — так говорила ему мама. А мама никогда не ошибается.

— Эй, ты глухой, что ли? — камешек звонко ударился о пластиковый чехол и отскочил.

«Мне все равно», — как мантру повторял Платон, беззвучно шевеля губами. — «Они просто завидуют».

— Ты че, не видишь, у него ж полный рот! Ха-вает чего-то! Хомячина! — и снова гогот.

По правде говоря, Платон уже с утра не ел, и от этого было вдвойне обидно. В школе отобрали мамины пирожки с рисом. Такие круглые, аккуратные, чуть припорошенные мукой, будто заин-

девушка. И нежные: ешь их, и даже во рту сухо не становится, запивать не надо. Четыре штучки — и все отобрали. А на обед из-за музыкалки Платон по вторникам ну никак не успевал.

— Слышь, толстый! Да стой ты, когда с тобой говорят! — меткий плевала догнал Платона и дернул за рукав. Так резко, что из-за тяжелого инструмента Платон качнулся, как маятник метронома. Но устоял и даже вовремя успел приподнять голову, чтобы очки не слетели: дужки совсем разболтались.

— Я спешу.

— На гитару свою опоздать боишься? — плевала явно изнывал от скуки, и теперь ни в какую не хотел упустить единственное за день развлечение.

Платону подумалось, что эти мальчишки похожи на городских голубей. Мотаются, неприкаянные, высматривают, чем поживиться, возмущенно курлыкают и вот точно по-птичьи вытягивают шею.

Платон слегка подпрыгнул, принаравливаясь к весу инструмента. И почему не пошел на скрипку, как Надя?

— Это виолончель.

— Да врет он! — влез остряк. — Жратва у него там.

— Покежь, — плевала ткнул пальцем в чехол.

— Не могу, я спешу, — упрямо повторил Платон, и уже собрался развернуться, как его снова схватили за рукав. — Пусти!

Он дернулся изо всех сил, но мальчишка, хоть был и ниже на голову, и минимум вдвое легче, вцепился как клещ.

— Пусти!

— А то что? Маманю позовешь?

— Да я... Тебе так врежу... Что у тебя будет перелом! Открытый! Со смещением! — Платон очень старался говорить с ними на их языке, но сам понимал, как жалки его потуги. Ну не умел он драться, и с языками у него всегда были проблемы. Математика — пожалуйста, чтение — одни пятерки. А языки — ни в какую. До кровавых слез репетиторов.

— Чего-чего у меня будет?! Народ, вы слышали? — плевала зашелся хохотом и неожиданно для Платона ослабил хватку.

Физику в третьем классе еще не проходили, и об инерции Платон не подозревал. Это его и подкосило: он так отчаянно пытался вырваться, что не устоял и полетел на асфальт. К счастью, удар пришелся на локоть, не на виолончель.

— А ну, отошли от него! — звонкий Надин голос прозвучал как эльфийский горн, разгоняющий орков.

Платон нашарил в пыли очки, кое-как водрузил на нос, — сломанная левая дужка печально болталась, — и посмотрел на свою спасительницу.

Она, казалось, вообще ничего не боялась. Даже скрипку держала, как автомат Калашникова, и любой, кто попадался ей на пути, инстинктивно чувствовал: смычком тоже можно поколотить.

— А ты еще кто? — плевала еще хорохорился, но смешки на скамейке стихли.

— Вопрос, кто ты, — Надя угрожающе двинулась на мальчишку. — Чтоб ты знал, у меня папа — мент. Одно слово — и тебя в детскую комна-

ту заберут, чепушила! Понял? Понял, я тебя спрашиваю?!

И поскольку плевала ничего не ответил, Надя вдохнула глубоко-глубоко, словно собралась надуть огромный воздушный шар, и над парком разнеслось ее зычное:

— Па-а-па-а!

Истерично хлопая крыльями, вспорхнули с деревьев птицы, а стайки шпаны на скамейке как не бывало.

— Ты цел? — Надя помогла Платону встать, и оба побрели к музыкалке.

— Локоть немного... — он потер ушибленное место. — Ну точно, синяк будет. И очки... Зачем ты им про папу-мента сорвала?

— А как они проверят?

— Ничего, — Платон привычно подпрыгнул, поправляя виолончель за спиной. — Я вот накачаюсь и так им наваляю... Когда-нибудь...

— Ну да, ну да, — Надя ответила без сарказма, скорее, задумчиво. Уже витала где-то далеко в своих мыслях.

— А у тебя как?

Он чувствовал: она не в духе. Слишком хорошо ее знал. И эти вмятины от зубов на нижней губе, и ритм шагов... Маршевый такой, как в «Прощании славянки». На четыре четверти.

— Она опять сказала, что у меня руки-крюки. И на отчетный концерт не допустит... — Надя поморщилась.

— Ирина Федоровна?

— Ну! Я эту сонатину два часа выдрючивала, а ей хоть бы хны!

УКРОТИТЬ ЛОВЕЛАСА

— Не волнуйся, на следующий концерт точно возьмут.

— Ну да, ну да... Есть хочешь? — Надя вытащила из кармана бутерброд в пакете.

— А ты точно не?.. — Платон с такой тоской сглотнул слюну, что Надя просто протянула ему свой обед. Весь.

— Я не голодная.

— Знаешь, — Платон остановился перед входом в музыкалку: не любил есть перед кучей народа. — Ты мой лучший друг.

— Да брось ты...

— Нет, правда, — он проглотил кусок и посмотрел на Надю очень серьезно. — Я даже думаю, что женюсь на тебе, когда вырасту. И будем дуэтом выступать.

— Ну да, ну да... — она загадочно улыбнулась и толкнула дверь в музыкальную школу.

— Нет, правда. Ты что думаешь?

— Балда ты, Платон, — и, качнув косичкой, шагнула внутрь.

Глава 1

Наши дни

Она поднималась по лестнице решительно и неотвратно. Как папа всегда говорил, забивала ногами гвозди. Всю жизнь боролась с тяжелой походкой. Как только научилась ходить, так маме стало прилетать от соседей:

— У вас там строевая подготовка?

— А вы в курсе, что в квартире нельзя держать копытных?

— У нас люстра качается!

— Сколько у вас народу вообще бегают?

Или просто по батарее: «Бом! Бом! Бом!».

Забавно, что детей в семье Павленко было много, — пятеро. Но звонкими пятками природа одарила только среднюю, Наденьку. Хворостинка в чугунных ботинках, — так ее еще папа называл. Уж и старалась с собой бороться, наступала сначала на носок, ходила медленнее. Временами даже получалось, но сегодня выдался прекрасный повод крошить ступени каблуками.

Семь часов. Самолет — в одиннадцать. Билеты месяц назад заказаны. Репетиция — уже сегод-

ня вечером, то есть позже лететь — не вариант. И что Платон? Ни-че-го. Тотальная непрошибаемая тишина. Тринадцать звонков на мобильный, столько же — на домашний, двадцать голосовых и несколько имейлов. Ну так, на всякий.

Надя поднялась на третий этаж, остановилась у знакомой двери. Уже занесла руку, чтобы атаковать кнопку звонка, но в последнюю секунду замерла. Принюхалась как ищейка, ноздри хищно затрепетали: женские духи. Прислонилась ухом к двери. Человек без абсолютного музыкального слуха мог и не уловить мелодичное хихиканье по ту сторону. Но Надя не так просто провела детство со скрипкой в обнимку.

— Ну да, кто б сомневался, — вытащила из сумки свою связку ключей, отперла и прямо так, не разуваясь, бесцеремонно двинулась вглубь квартиры.

Абсолютным слухом обладала не только Надя. К тому же она относилась к тем редким девушкам, которых по походке можно узнать издали без особых специальных навыков. Поэтому еще до того, как вломиться в спальню, Надя услышала шумную возню и удивленно-вопросительное девичье бормотание.

Мизансцена, представшая перед Надей, впечатляла. Девица, похожая на молочного теленка. Не фигурой, нет. Взглядом. И белый, как кожа британской аристократки, зад Платона. Он, очевидно, думал, что если активно пихать своему теленочку джинсы, она быстрее оденется. Со стороны это выглядело, как будто Платон просто втирал одежду девушке в живот.

— Отлично, — Надя прошествовала через всю комнату, раздвинула шторы, впуская слепящий солнечный свет, и распахнула окно. — Ты на часы смотрел?

Уж слишком густ был застойный комнатный воздух. Так всегда бывает, если кто-то налегал на физическую активность.

— Надюш, вот честное слово! Я бы через полчаса уже вышел! — Платон, подпрыгивая на одной ноге, влез в трусы, и Надя позволила себе к нему повернуться.

Не то чтобы очень сильно хотелось созерцать этого похотливого засранца, но орать на человека проще, когда смотришь в его бессовестные глаза.

Взгляд, конечно, предательски скользнул ниже его глаз и вообще ниже физиономии. Надя не могла осуждать девочку-теленка: Платону было чем похвастаться. Мышцы, заработанные годами адских тренировок и диет, действовали на женщин гипнотически. И Платон ни разу не упускал случая этим воспользоваться: он будто задался целью всему миру продемонстрировать плоды своих усилий. Из-за этого находиться с ним в одном помещении порой было невыносимо. Уж точно тяжелее, чем с пухляшом, которого Надя любила в детстве.

Заготовленная тирада рассыпалась, еще даже не попав на язык: до того умильно и виновато взлетели вверх брови Платона.

— Значит так, ты — в душ, а ты, — Надя повернулась к девице. — Собирайся и сделай так, чтобы через пять минут я забыла, как ты выглядишь.

— А ты кто такая?! — девушка предприняла невинную попытку атаковать. Не знала, бедная, с кем связалась.

— Его жена, — отрезала Надя. — Вопросы есть?

Вопросов не оказалось. Нет, девушка попыталась, невразумительно хватая ртом воздух, что-то предъявить Платону, но Надя опытной и твердой рукой выпихнула его в ванную и заперла дверь снаружи. Оставшись с Надей один на один, девочка-теленочек приняла единственное верное решение и, одевшись, испарилась.

Надя бы с удовольствием присела сейчас, перевела дух. Выветрила этот пошлый парфюм. Или ушла сама, чтобы на какое-то время развидеть Платона. Но устроить концерт в Вене с симфоническим оркестром... Ради этого ей пришлось вывернуться наизнанку. Любой другой виолончелист обнял бы ее ноги и целовал колени из благодарности. Нет, она не ждала этого от Платона, но банально вовремя собраться он ведь мог бы из уважения... Или нет?

Надя нагнулась, вытащила из-под кровати чемодан. Так и есть: пустой, как в день покупки. И пыльный, как из дома с привидениями. Неисправимый субъект. Не чемодан, конечно. Платон.

Надя распахнула двери гардероба: концертный костюм — обязательно. Черный, что с атласными отворотами, более торжественный. Для Вены — хорошо. Зато тот, что выглядит попроще, сшит на заказ. В нем у Платона фигура такая... Женская половина публики оценит. И женская половина оркестра, как водится. Опять стаскивать его с ка-

кой-нибудь флейтистки... Так, костюм. Во втором играть удобнее, не врезается в подмышки. Да, его. Рубашки белых минимум три, а то мало ли. Для репетиций черной водолазки будет достаточно, в Европе так половина музыкантов ходит. Футболки в номере ходить... А, туфли концертные! Чуть не забыла. Если костюм простой, то туфли можно лакированные.

Чемодан был почти собран, когда Платон напомнил о себе барабанной дробью в дверь ванной. Надя так старательно укладывала вещи, что чуть не забыла взять самое главное. Самого главного, если точнее.

Она спешно открыла, впустив Платона вместе с облаком пара.

— Ты еще дуешься? — спросил он, окатив ее запахом шампуня и зубной пасты.

Трудно было говорить с ним, когда он стоял вот так, в полуметре от нее, совершенно мокрый и в одном полотенце на талии, как древний египтянин. Была бы на месте Нади любая другая девушка, Платон бы непременно приосанился, поиграл мускулами, позволяя каплям воды медленно стекать вниз, обрисовывая рельеф. Но поскольку Надя была всего лишь Надей, Платон просто потрянул мокрыми волосами, забрызгав ее блузку, чем ментально развеял всю неловкость.

— Обсудим это в самолете. Да, ты летишь без наушников, — Надя отвернулась, силясь вспомнить, зачем она вообще подвизалась на эту неблагодарную работу.

Ответ был прост и состоял из двух слов: Римма Ильинична. Мама Платона.

Вряд ли на этом свете нашлась бы женщина, любившая сына больше, чем Римма Ильинична Барабаш. Надя иногда даже завидовала Платону: ей самой такой лошадиной дозы родительского внимания не доставалось никогда. Когда ты третий по счету ребенок из пяти, зажатый между первенцами и младшенькими, то если тебе не забыли выдать порцию сладкого и карманных денег, да еще и вспомнили про день рождения — это уже счастье.

То ли дело Платон: он был для мамы центром мироздания. Ему покупали новую одежду, нанимали репетиторов, нагружали кружками и секциями. Он жаловался, конечно, что мама не дает ему продохнуть и влезает во все уголки его жизни от уроков до первого прыща или первого волоса на груди. Но Надя, лежа вечерами на нижнем ярусе кровати и пиная верхний, чтобы старшая сестра не так громко шепталась по телефону с кавалером, мечтала поменяться с Платоном местами. Потому что когда она выстригла себе в шестом классе челку канцелярскими ножницами, смену прически родители заметили только через неделю. И то потому, что на нее нажаловалась Юлька, старшая сестра: Надя взяла ее лак для волос, чтобы эту челку уложить.

Временами Надя думала, что родись она у Риммы Ильиничны, могла бы тоже стать звездой музыкальной школы и поступить в консерваторию. Но не сложилось: никто не следил за ее правильной постановкой рук, не велел представлять под пальцами невидимую подушечку. И когда Надя пошла на консультацию к педагогу из музыкального